

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

МИХАИЛ КОНДРАТЬЕВ

ЛОЖЬ И ПРАВДА О Л.Э.ОСТЕН-САКЕНЕ — КАПИТАНЕ И ВИОЛОНЧЕЛИСТЕ

Фраза Салтыкова-Щедрина о жестоком наказании одного из персонажей: "И послали его... в Чебоксары", с первого прочтения врезается в память. Это, наверно, естественно для автора настоящего очерка — жителя и патриота нынешней столицы Чувашии; но интонация великого сатирика делает ощущимой и бесконечную тоску российской провинции прошлого века, символизированную то ли через архаически-загадочное название уездного городка, то ли с помощью многозначительного многоточия. А, может, в подсознании "резонируют" события уже нынешнего столетия, опыт новых поколений. Ведь Чебоксары, несмотря на относительно скромные масштабы развития здесь музыкального искусства, в конце тридцатых стали одним из мест осуждения и гибели многих музыкантов — как местных, так и приезжих.

"И ПОСЛАЛИ ЕГО В ЧЕБОКСАРЫ"

В числе последних волею судьбы оказался и Лев Эрнестович Остен-Сакен — один из петербургских музыкантов, поплатившихся жизнью... Пищущая рука моя здесь останавливается — за что же? Нельзя же назвать причиной его гибели утверждение в протоколе заседания спецтройки НКВД от 22 сентября 1938 г., что он — "резидент английской разведки", впоследствии объявленное ложью, взятой с потолка. В документах по реабилитации (1955—1957 гг.) значится: "Дело... прекратить за отсутствием состава преступления". В конечном счете — Л.Э. один из миллионов, беспричинно и бессмысленно оболганных и сгинувших в достопамятных тридцатых. А был он личностью и музыкантом, оставившим след в душах и в искусстве.

Обо всем этом позволяют говорить документы из рассекреченных ныне архивов. В частности, это "Дело №55 по обвинению гр-н Остен-Сакена Льва Эрнестовича, Люблина Иосифа Вениаминовича и Остен-Сакена Алексея Львовича" (с которым мне удалось ознакомиться при содействии В.П.Кошкина, тогда офицера по связям с общественностью ФСБ), личное дело, хранящееся в бывшем партархиве (выписки из него, в частности, автобиография Л.Э. 1937 года, любезно предоставлены мне историком А.В.Изоркиным). Их дополняют аналогичные "Дела..." других репрессированных в Чебоксарах музыкантов и воспоминания тогдашних студентов Чебоксарского музыкального училища.

В 1935 году в связи с высылкой, скорее всего, Лев Эрнестович испытывал смешанные чувства — к тоске примешивалось и удовлетворение. Ему, потомственному дворянину, после событий 1 декабря 1934 года (убийство Кирова и последовавшие за ним репрессии против "классово чуждых" в Ленинграде) грозила ссылка в места более отдаленные. А Чебоксары и чебоксарцев он уже знал по 1933 году, вместе с другими ленинградцами был приглашен на летний сезон в местный Государственный симфонический оркестр — с мая по август дававший открытые концерты в саду им.Крупской. Как сам Л.Э. делился с теми, кому доверял (цитирую одно из "Дел"), "имея большое знакомство, он сумел выхлопотать себе высылку именно в Чебоксары. Проработав три летних месяца, он договорился с Музтехникумом, Радио и Симфоническим оркестром остаться на постоянную работу. Остен-Сакену во многом

помогали в направлении в Чебоксары писатель Алексей Толстой, Красин (Наркомпрос РСФСР) и, кажется, жена М. Горького".

Можно проследить его биографию в хронологическом порядке. В первые 39 лет он выглядит весьма благополучной.

На снимке: в первом ряду Л. Э. Остен-Сакен (слева), С. И. Габер (третий слева)

Родился он в 1879 г. в Вильно, в семье военного юриста в чине капитана, небогатой ("жили исключительно на жалованье, получаемое отцом по службе", — подчеркивается в автобиографии; позже в 1902 году мать получит в наследство от брата имение). Мама вспоминает Л.Э.: "была довольно музыкальна (по наследственности), была прекрасной пианисткой и певицей и с самых ранних лет приучала нас к музыке... Читать и писать по-русски, немецки и французски нас обучала также мать..."

С 1892 года семья живет в Санкт-Петербурге, Л.Э. обучается в Морском кадетском корпусе, одновременно берет уроки игры на виолончели (окончил частную спецшколу в 1898 г.). В 1895 — 1910 годы он служит в военном флоте. Самым запомнившимся событием этого "военно-морского" пятнадцатилетия молодого офицера русского флота было продолжительное заграничное плавание на броненосце "Александр II" в сост...

эскадры Средиземного моря в 1899-1902 годах. И там он продолжал занятия музыкой, выступал в качестве солиста на многих музыкальных вечерах, в том числе в Греции, Италии, Австрии, Франции и других странах. В 1903 году женился на дочери вице-адмирала А.А.Бирилева (тогда командующего эскадрой в Средиземном море, позднее адмирала, морского министра и члена Государственного совета России). К этому периоду относится эпизод в романе В.Пикуля "У последней черты", описывающий события 1905 года: "В его [Николая II. — М.К.] покоях два музыкальных моряка играли сонату Моцарта: лейтенант Остен-Сакен терзал виолончель, а мичман Волков нежно трогал клавиши рояля". Карьера военного моряка для петербургского музыканта не уникальна — вслomним хотя бы судьбу русского композитора-классика Н.А.Римского-Корсакова, который и сам послужил Отечеству на кораблях, был в кругосветном плавании, потом инспектировал военно-морские оркестры.

Общение с императором, видимо, тоже не было случайным. Работая над романом, писатель, конечно, изучал документальные материалы и на их основании ввел в свой текст "музыкальных моряков", по крайней мере, один из которых — реальная личность. Сохранилось совершенно независимое от романа воспоминание, что чебоксарский приятель Л.Э. певец И.В.Васильев видел фотоснимок, где были запечатлены Остен-Сакен и Николай II, сидевшие в лесу на бревне где-то в Финляндии. Других данных на сей счет мы не имеем — и неудивительно: бывший дворянин, преследуемый за это властю, Л.Э., не афишировал подобные факты своей биографии. Напротив, на допросе он открещивается от близкого общения с генералом В.Ф.Остеном-Сакеном, в 1914 году служившим начальником охраны Государственной думы, хотя и не отрицает родственной связи с ним.

"Осенью 1910 г., — говорится далее в Автобиографии Л.Э., — окончательно решил посвятить себя музыке, перевелся в береговой состав Морского ведомства и был назначен зав. музыкальной школой Балтийского флота, реорганизованной впоследствии в Морскую музыкальную школу всего флота". Так началась педагогическая деятельность, принесшая ему большой авторитет в музыкальных кругах.

В 1915 году Л.Э. поступил вольнослушателем на старший курс Санктпетербургской консерватории в виолончельный класс профессора Луи Аббiate. Завершить обучение ему не удалось, в связи с войной в 1916 г. Л.Э. командируется в распоряжение штаба командующего Балтийским флотом в Гельсингфорс, где он назначается офицером для связи. "Будучи мало нагружен на этой службе, — вспоминает он, — все свободное время занимался музыкой и работал в государственном Финляндском симфоническом оркестре". Уволен он был в отставку в 1918 году в чине капитана первого ранга.

ЗЛОЙ РОК

С этого времени можно говорить о злом роке, преследовавшем его до конца дней. Новая полоса жизни начинается в Псковской губернии в имении матери, куда, спасаясь от голода, переехала его жена с сыновьями Максимилианом и Алексеем и дочерью Натальей. Здесь Л.Э., как записано в протоколе допроса, "занимался землепашеством, одновременно служил контролером ст.Лохня... с 1921 по 1922 гг. был в концлагере...". В другом месте поясняется: "... были арестован и приговорен к расстрелу, по пересмотру дела заключен в концлагерь в г.Псков на 1 1/2 года за оказание сопротивления при конфискации имущества". Освободившись из заключения Л.Э. по конкурсу поступает в оркестр Ленинградской филармонии, перебирается с семьей в Ленинград. С 1930 года он — солист-виолончелист "Театра малых форм" и педагог Музыкального техникума им.Римского-Корсакова, Государственной академической капеллы (здесь он несколько лет заведует учебной частью). Внешне все выглядит, как и прежде, благополучным. Однако изучение документов показывает, что его автобиография умалчивает о некоторых фактах, которые нельзя будет скрыть на допросах. Так, в 1925 году ленинградскими органами расстрелян его старший сын Максимилиан ("за что — не

знаю", отвечает Л.Э. на вопрос следователя); в 1933 г. был арестован он сам, а через 45 дней освобожден без суда. Комментариев к этому инциденту нет. Очевидно, что для работников НКВД эти факты были незначительны.

Трудно сказать, что творилось в его душе. Л.Э., несомненно, любил свою работу учеников, был уже хорошо известен как опытный педагог класса виолончелистов. В середине 30-х годов профессор Ленинградской консерватории Б.А. Струве работал над книгой "Пути начального развития юных скрипачей и виолончелистов", где описан аппарат, помогающий при постановке правильного ведения струн, придуманный Л.Э. Остеном-Сакеном. Книга выйдет в 1937 году, когда Л.Э. уже — "высокопородистый лишенец". Но фамилия его на стр. 77 автором книги сохранена. Чебоксарские ученики помнят и толстую пачку больших нотных листов — рукопись создававшейся книги Л.Э. "Школы игры на виолончели". Кроме нот, там были фотографии с изображением правильного положения рук виолончелиста в разных позициях. "Сняты были руки самого Льва Эрнестовича", — рассказывают они.

"ВСЕ НРАВИТСЯ, ПЕТЬЯ, ТАК ХОРОШО..."

Не по своей воле переместившись с женой и сыном Алексеем в Чувашию, Л.Э. здесь становится известным человеком. Он не только занимается с учениками, играет в оркестре, но и солирует в концертах — исполнял, например, сложнейшие "Вариации на тему рококо" Чайковского, "Испанскую серенаду", "Песнь трубадура" Глазунова и другие произведения с оркестром, пока развившийся полиартрит и повреждение сухожилий на левой руке не вынудили его отказаться от сольных выступлений. Дирижер филармонического оркестра С.И. Габер отзыкается о нем с очевидным уважением (следует учесть, цитируемое — показания одной жертвы о другой, оба поданы следствием в тюрьме НКВД; выражения осторожны, оба — высокопородистые интеллигенты, не сломленные многомесячным следствием): "Остен-Сакен по прибытии в Чебоксары (май 1935 г.) бывал у меня очень редко. Разговор у нас бывал всегда общего, как бы семейного порядка: о состоянии здоровья кого-нибудь из моей семьи, если он слышал о том, что кто-либо хворал. Иногда говорил что-либо о себе, либо о своей жене. Изредка затрагивал вопросы искусства, если ему не нравился репертуар, исполняемый в оркестре. Нередко советовал мне приступить к разучиванию какого-нибудь нового интересного сочинения в оркестре, от чего работа в оркестре могла бы стать привлекательнее. Бывали случаи, когда он выражал удовольствие по поводу успехов его лучших учеников по классу виолончели. Восхищался, между прочим, Филипповым Петром, который быстро двигался вперед по виолончели, что он уже разучивает что-нибудь очень трудное из сольного репертуара виолончели... О каком-либо невыдержаных разговорах со стороны Остен-Сакена по отношению к советской власти я никогда не слышал".

Думается, последней фразой Габер чуть "прикрывал" музыканта. В воспоминаниях современников, а тем более в доносах на Л.Э. содержатся иные характеристики. Как следует из фактов его биографии, он не имел оснований любить советскую власть, ибо она его не уставала преследовать. Во-вторых, по натуре Л.Э. был не из замкнутых в себе людей, в кругу оркестрантов обычно оказывался в центре внимания — острослов, возможно и не без едкости. "Мы репетировали увертюру Максимова, Остен-Сакен, как всегда, «хохмил»" (В.Ходяшев, скрипач, концертмейстер оркестра, впоследствии дирижер и композитор). "Он любил рассказывать анекдоты, но мы ведь дети были и стеснялись присутствовать при этом со взрослыми" (П.Ф.Филиппов). Правдоподобна и выразительна выдержка из донесения источника, зашифрованного кличкой "Стар": "Остен-Сакен избегает говорить на политические темы, но иногда в минуту раздражения у него прорываются резкие выражения по отношению к существующему положению. Например, по поводу задержки выдачи зарплаты заявлял: «Они сами, конечно, аккуратно получают зарплату, а мы должны ждать по два месяца». По поводу

отсутствия в магазинах масла говорил: «Они сами, конечно, всегда имеют масло сколько им надо, а население как хочет». С очень большим сожалением вспоминает свою прежнюю жизнь».

Ближе всех знающие Л.Э. ученики описывали его весьма доброжелательным человеком и, одновременно, строгим, требовательным учителем, заложившим основы их будущего профессионализма.

«Учил, чтобы урок был точно приготовлен. Учил заниматься каждый день — с тех пор не было ни одного дня, чтобы я не занимался. Музыкальная дисциплина у меня в крови — от него. В оркестре — учили партии, он оставался со мной, чтобы правильно расставить аппликатуру [т.е. играть правильными пальцами. — М.К.], — рассказывает П.Ф.Филиппов (1916-1999), впоследствии народный артист Чувашии. От его настойчивых требований первоклассник мог расплакаться на уроке (Л.З.Васильев, о себе). "Ворчливый старичок, часто чем-то недоволен" (К.П.Мудрова). Верный привычкам офицерской молодости, Л.Э. ни в чем не терпел беспорядка. Ученики, в большинстве наивные деревенские ребята, познавали с ним и простые житейские правила, он терпеливо наставлял: "Старайся быть честным, никого не обманывай. Бывает, ты голоден, а денег нет. Попросишь у Васи — потом у Пети займи, но Васе отдай". Он запомнился человечностью, заботился: "Иногда спрашивал: «Ты кушал? Пойдем ко мне, ты, вижу, голодный». Дома встречала Варвара Алексеевна. Он зайдет — обязательно ее чмокнет, поцелует". (П.Ф.Филиппов). В обращении был прост. Иногда говорил: "Почему ко мне иначе относятся? Ну и что из того, что я барон, я такой же, как все, человек". Ученики не догадывались о его проблемах. "Как-то зимой я спросил у него, — рассказывает один из них, — «Вам нравятся Чебоксары? Хорошо здесь жить, зимой особенно — холодно». Он с серьезным видом ответил: «Все нравится, Петя, так хорошо... И воздух чистый, и снег белый. Единственный недостаток — теплого сортира нет».

Дважды приезжала, навещала семью дочь Наталья (Котикова, впоследствии известный ленинградский музыковед). Сын Алексей также радовал его — принимал участие в шахматных соревнованиях, даже стал однажды чемпионом Чувашской республики. Скоро Алексей получил разрешение вернуться в Ленинград. Арестован он был на пол-года позже отца и в марте 1938 года вновь доставлен в Чебоксары.

"РАБОТАЛ С НИМ БЕЗ ВЫХОДНЫХ..."

Со дня ареста до расстрела прошло почти одиннадцать месяцев. Следователи усердствовали. В обвинительном заключении вдруг возникают фамилии (их целых пять!) неких английских агентов, завербовавших Л.Э. (он же якобы вовлек жену, сына и коллегу Люблина в "разведывательную" работу). Все это — чистейшей воды "липа", видимая невооруженным глазом, ибо ни одного подтверждающего факта, документа, либо ссылок на такие факты и документы в двухсотдвадцатистраничном деле нет. Ко многим подследственным применялась пытка "стойка". Потом (в 1940 г.) следователей самих расстреляли за это, к делу приложены их показания в служебном расследовании. В частности: "Люблин скоро пошел на признание. Последний недолго стоял. Он больше сидел. Он сидел четверо суток. Впоследствии он попал на тройку и был расстрелян. Привлеченные как шпионы Остен-Сакен: отец, мать и сын. Из них стойки применялись отцу и сыну. Матери стойки не применялись. Они сознались и все осуждены к ВМН [высшая мера наказания. — М.К.]. Заключенный Остен-Сакен допрашивался 30 суток, стоял посменно на ногах, и у него распухли ноги... Я работал с ним без выходных дней".

Неправда здесь только в том, что Лев Эрнестович "сознался". Он оказался единственным, кто выдержал мучения и отказался признать обвинение "Подельники" же, подписав все, что от них требовали, тем самым подписали приговор себе и ему. Такие приговоры тогда приводились в исполнение в течение суток. Жену почему-то

пощадили. Тем не менее родственникам официально было сказано: "Десять лет без права переписки".

СЛОВО "АКТИВИСТОВ-ОБЩЕСТВЕННИКОВ"

Назвав однажды "врагом народа", его пытались обесчестить и вычеркнуть из памяти. Кое-что удавалось.

Книгу Б. А. Струве (где аппарат для отработки правильного движения смычка называли "палкой", прикреплявшейся к инструменту — по ней скользила колодка от смычка) мне показал Петр Филиппов. И поведал об эпизоде, случившемся с ним после войны в Чебоксарах. Однажды в гостях какой-то человек, не скрывавший, что служил надзирателем, вспоминал, что до войны в тюрьме он видел старика, воображавшего, что играет на виолончели, держа вместо инструмента палку и водя, как смычком, другую палкой. "Я подумал сразу о Льве Эрнестовиче. Но ничего сказать тогда не мог". В эти же годы книга Струве была переиздана. В ней полностью воспроизводился весь текст, редактор лишь опустил фамилию Остена-Сакена, к тому времени уже перешедшего в статус "не существовавших", исчезнувших. О таких боялись говорить.

Но в Чувашии его имя не забывалось — живы еще многие коллеги и непосредственные ученики. Историк национальной музыкальной культуры Ю. А. Ильин, описывая деятельность Чувашского музыкального техникума и местного Государственного симфонического оркестра, упоминал имя лучшего виолончелиста и педагога.

Правда, и в 1984 году мне, хотя и благожелательно, выговорил министр культуры (то время, кажется, уже бывший) Чувашии за упоминание имени Л. Э. в докладе на вечере памяти одного из его современников-музыкантов В. М. Кривоносова: "Не было, Остен-Сакен, кажется, не реабилитирован". Нечего было возразить — документов мы не видели — ни министр, ни докладчик.

Это не стало и бесчестием. И тогда люди боялись, но не все верили официальные лжи. Сегодня можно увидеть документальные свидетельства того, что и провинциальной Чувашии, где доносы решали судьбы, шли аресты и печать буквально захлебывалась от якобы "классовой" ненависти, клеймя происки "врагов народа" в реальной жизни многие сохраняли нормальные понятия, отношение к людям, пресмыкались, приспособливаясь к обстоятельствам. В одном из доносов 1937 года директора Музучилища композитора С. М. Максимова останавливает внимание на том: "...На собрании от 25 сентября с. г. Максимов горой защищал Остен-Сакена, бывший барон, в настоящее время изъят. Что он принял его по разрешению Суворовского [также "враг народа"], работавший до конца 1937 г. в руководстве НКВД Чувашии. — М.Л. — «нет у него вредительского»". После этого Максимов также был "изъят". Студентка оркестрового класса Музыкального училища Серафима Шумилова могла публично заявить: "Вот опять, забрали Льва Эрнестовича, что это за проклятая Чувашия, вся хороших людей вылавливают". Слова эти записаны в протоколе одного из допросов по делу Л. Э. Любопытно, видимо, свидетельница-доносчица при всей услужливости перед "органами" правдива, ибо в ее передаче фразы Шумиловой сегодня вызывают предполагавшееся тогда негодование, а одобрение естественноностью и дерзостью (правда, кем демонстрировавшейся в тех условиях). Несомненно, правда и то, что это — уроженка таких личностей как Остен-Сакен и Максимов.

Но почитаем дальше протокол — он на глазах вдруг перерастает в донос на сокурсницу допрашиваемой М. А. Орловой Серафиму Шумилову: "Со стороны Шумиловой и других студентов, бывших под влиянием Остен-Сакена, были такие высказывания перед всем классом, что «музыка должна быть вне политики, была бы музыка и деньги, больше ничего не надо». Когда ей делаешь замечание о несоветском поведении, она отвечает: «Вас много и нас (т.е. сторонников Остен-Сакена) много». Были такие случаи, когда будешь хвалить революционные музыкальные произведения, то она заявляет: «Вам бы все только революционное». Вот

результаты контрреволюционной антисоветской работы Остен-Сакена". В разоблачительном пылу, помня какие-то свои обиды, Орлова, конечно, перебирает, утверждая, что из-за таких "контрреволюционеров" в среде чебоксарских музыкантов "в политкружках заниматься никто не хочет, самокритика отсутствует, активистам-общественникам не дают выговорить слова, в общем в Музучилии настроение нездоровое, несоветское".

Но получили-таки слово активисты-общественники.

ПОСЛЕДНЯЯ ЛОЖЬ

Потом он был негромко реабилитирован. Говорю "негромко" потому, что еще была жива Варвара Алексеевна Бирилева-Остен-Сакен. Побывавшая вместе с мужем и сыном в заслуженных НКВД, она уже не имела наивности, чтобы после смерти "отца народов" требовать справедливости и разъяснений о судьбе своих близких. Энергичные действия предпринимали в течение шестнадцати лет родственники столь же бессмысленно канувшего в небытие директора Чувашской филармонии пианиста И.В.Люблина. Запросы направлялись в НКВД, потом к Сталину, потом к Берии, потом к Хрущеву — по адресатам писем, аккуратно подшивавшихся к делу, легко определяются годы их написания. Справки о реабилитации и смерти осужденных им выдали после соответствующих решений. Получила такие справки в 1957 году и Варвара Алексеевна, местопребывание которой долго устанавливалось через адресное бюро.

В них, этих последних документах дела, содержалась еще одна, касающаяся судьбы всех трех убиенных, ложь. О Льве Эрнестовиче, например, говорилось: "Отбывая срок наказания, Остен-Сакен Л.Э. умер 20 января 1941 года от миокардиодистрофии..." Но серьезно повредить ни ему, ни кому-либо другому эта ложь уже не могла.

1996, октябрь